

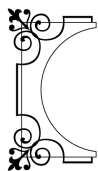

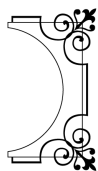
*Двойная жизнь
Арсена Люпена*

РЕЗНЯ

I

Господин Кессельбах замер на пороге гостиной и, схватив за руку своего секретаря, встревоженно прошептал:

— Шапман, здесь опять *кто-то* побывал.

— Да будет вам, сударь, — возразил секретарь, — вы только что сами открыли дверь прихожей, и пока мы завтракали в ресторане, ключ лежал у вас в кармане.

— Шапман, здесь опять *кто-то* побывал, — повторил господин Кессельбах.

Он указал на дорожную сумку, лежавшую на камине.

— Взгляните, вот доказательство. Эта сумка была закрыта. А теперь уже нет.

— Вы в этом уверены, сударь? — спросил Шапман. — Впрочем, в этой сумке нет ничего, кроме никчемных безделушек, туалетных принадлежностей...

— Это потому, что перед уходом я вынул оттуда свой бумажник, из предосторожности... Иначе... Нет, уверяю вас, Шапман, *кто-то* проник сюда, пока мы завтракали.

На стене висел телефонный аппарат. Он снял трубку.

— Алло!.. Это господин Кессельбах... Апартамент четыреста пятнадцать... Да... Мадемуазель, будьте любезны, соедините меня с полицейской префектурой... Служба безопасности... Вам ведь не нужен номер? Хорошо... Спасибо... Жду у аппарата.

Через минуту он продолжал:

— Алло! Алло! Я хотел бы сказать несколько слов господину Ленорману, начальнику Уголовной полиции. Я звоню с его разрешения... А-а, его нет на месте... С кем я имею честь говорить? Господин Гурель, инспектор полиции... Но мне кажется, господин Гурель, что вчера вы присутствовали на моей встрече с господином Ленорманом... Так вот, сударь, то же самое повторилось сегодня. Кто-то проник в апартамент, который я занимаю. И если вы приедете сейчас же, то, возможно, на основании улик сможете обнаружить... Через час или через два? Прекрасно. Попросите провести вас в апартамент четыреста пятнадцать. Еще раз спасибо.

Будучи проездом в Париже, Рудольф Кессельбах, алмазный король, как его называли, — или, согласно другому прозвищу, Хозяин Мыса, — мультимиллионер Рудольф Кессельбах (его состояние оценивали в более чем сто миллионов) в течение недели занимал на пятом этаже «Палас-отеля» апартамент 415, состоявший из трех комнат, из которых две самые большие — гостиная и спальня — располагались справа и выходили окнами на проспект, а другая, слева, предназначавшаяся секретарю Шапману, — на улицу Жюде.

Еще пять комнат рядом были зарезервированы для госпожи Кессельбах, которая должна была покинуть Монте-Карло, где находилась в настоящее время, и присоединиться к своему мужу по первому его знаку.

В течение нескольких минут Рудольф Кессельбах расхаживал с озабоченным видом. Это был мужчина высокого роста, еще не старый, с хорошим цветом лица. Задумчивые глаза, нежная голубизна которых просвечивала сквозь очки в золотой оправе, придавали ему выражение мягкости и робости, контрастировавшее с энергией квадратного лба и упрямой челюстью.

Кессельбах подошел к окну: оно было закрыто. Впрочем, отсюда в комнату проникнуть невозможно. Отдельный балкон, окружавший апартамент, обрывался справа,

а от балконов, выходявших на улицу Жюде, его отделяла каменная стена.

Кессельбах прошел в свою комнату: она никак не общалась с соседними. Он заглянул в комнату своего секретаря: дверь, ведущая в пять комнат, зарезервированных для госпожи Кессельбах, была заперта, а засов — задвинут.

— Я ничего не понимаю, Шапман, вот уже несколько раз я замечаю здесь вещи... признайте, странные вещи. Вчера моя трость, которую переставили... Позавчера кто-то, безусловно, прикасался к моим бумагам... Но как такое возможно?

— Это невозможно, сударь! — воскликнул Шапман, чье безмятежное лицо честного человека не выразило ни малейшего беспокойства. — Вы просто предполагаете, вот и все... у вас нет никаких доказательств... одни лишь эмоции... К тому же проникнуть в этот апартамент можно только из прихожей. А вы в день своего приезда велели сделать специальный ключ, и лишь у вашего слуги Эдварда есть дубликат. Вы доверяете Эдварду?

— Черт возьми!.. Он уже десять лет у меня служит... Однако Эдвард завтракает в то же время, что и мы, а зря. Отныне он должен будет выходить только после нашего возвращения.

Шапман слегка пожал плечами. Несомненно, Хозяин Мыса со своими необъяснимыми страхами вел себя немного странно. Какому риску можно подвергнуться в отеле, особенно если не держишь на себе или около себя никаких ценностей, никакой крупной суммы?

Они услышали, как открывается дверь прихожей. Это был Эдвард.

Господин Кессельбах окликнул его.

— Вы в ливрее, Эдвард? Прекрасно! Я никого сегодня не жду, Эдвард... точнее, будет один визит, господина Гуреля. До тех пор оставайтесь в прихожей и следите за дверью. Нам с господином Шапманом предстоит серьезно поработать.

Серьезная работа продолжалась несколько минут, в течение которых господин Кессельбах изучил свою почту, просмотрел три или четыре письма и указал, что надо ответить. Но тут вдруг Шапман, который сидел с пером наготове, заметил, что господин Кессельбах думает о чем-то другом, а не о письмах.

Он держал между пальцев черную булавку, изогнутую в виде рыболовного крючка, и внимательно рассматривал ее.

— Шапман, — сказал он, — посмотрите, что я нашел на столе. Очевидно, она что-то означает, эта изогнутая булавка. Вот она, улика, вещественное доказательство. И вы не можете больше утверждать, что в эту гостиную никто не проникал. Ибо, в конце-то концов, не могла же эта булавка появиться здесь сама по себе.

— Разумеется, нет, — отвечал секретарь, — она тут появилась благодаря мне.

— Как это?

— Булавка прикрепляла к воротничку мой галстук. Вчера вечером я снял ее и машинально сгибал, пока вы читали.

— Вам наверняка смешно, Шапман... и вы правы... Я не спорю, пожалуй... после моей последней поездки на Мыс я стал немного странным. Дело в том, что... Вы не знаете, но в моей жизни есть кое-что новое... потрясающий проект... вещь невероятная... которую я лишь угадываю в тумане будущего, но которая, однако, вырисовывается... и это будет грандиозно... Ах, Шапман, вы представить себе не можете. Деньги, мне плевать на них, у меня они есть... их слишком много... Но это, это больше, чем деньги, это могущество, сила, власть. Если действительность соответствует тому, что я предчувствую, то я стану не только Хозяином Мыса, но и хозяином других царств... Рудольф Кессельбах, сын аугсбургского жестянщика, ничем не будет уступать людям, которые до сих пор относились к нему свысока... Он даже будет пре-

восходить их, Шапман, он будет превосходить их, будьте уверены... и если когда-нибудь...

Умолкнув, он взглянул на Шапмана, словно пожалев, что сказал слишком много, но, увлеченный своим порывом, все-таки добавил:

— Поймите, Шапман, причины моей тревоги... Тут, в моей голове, есть идея, которая дорогого стоит... и об этой идее, возможно, подозревают... и меня выслеживают... я в этом уверен...

Раздался звонок.

— Телефон, — сказал Шапман.

— А не будет ли это, случаем... — прошептал господин Кессельбах.

Он взял трубку.

— Алло?.. Кто? Полковник?.. А-а! Ладно, да, это я... Есть новости?.. Отлично... В таком случае я вас жду... Вы придете со своими людьми? Отлично... Алло! Нет, нам не помешают... я дам необходимые распоряжения... Значит, это настолько серьезно?.. Повторяю вам, запрет будет категорическим... мой секретарь и мой слуга будут сторожить дверь, и никто не войдет. Вы знаете дорогу, не так ли? Тогда не теряйте ни минуты.

Повесив трубку, он тут же обратился к секретарю:

— Шапман, должны прийти два господина... Да, два господина... Эдвард приведет их...

— Но... Господин Гурель... сержант...

— Он придет позже, через час. И к тому же ничего страшного, если они встретятся. Велите Эдварду немедленно пойти к управляющему и предупредить о том, что меня ни для кого нет... кроме полковника с его другом и господина Гуреля. Пусть запишут имена.

Шапман исполнил приказание. Вернувшись, он увидел, что господин Кессельбах держит в руке футляр, или, точнее, черный сафьяновый футлярчик, судя по виду — пустой. Кажется, господин Кессельбах колеблется, словно не зная, что с ним делать. Положить его в свой карман или куда-то еще?

Наконец, он подошел к камину и бросил кожаный футляр в свою дорожную сумку.

— Покончим с почтой, Шапман. У нас десять минут. Ах, письмо от госпожи Кессельбах! Как случилось, что вы не сообщили мне о нем, Шапман? Вы что, не узнали почерк?

Он не скрывал волнения, которое испытывал, касаясь этого листка бумаги — жена держала его в своих руках, он хранит ее тайные мысли. Господин Кессельбах вдохнул его аромат и, распечатав, вполголоса прочитал сообщение, так что Шапман услышал обрывки:

— «Немного устала... Я не выхожу из своей комнаты... я скуаю... Когда я смогу присоединиться к вам? С нетерпением жду вашей телеграммы...»

— Вы телеграфировали сегодня утром, Шапман? Значит, госпожа Кессельбах будет здесь в среду. Завтра.

Господин Кессельбах казался обрадованным, словно тяжесть его дел внезапно стала легче и он избавился от всякой тревоги. Он потерял руки и с облегчением вздохнул, как человек сильный, уверенный в успехе, как счастливый человек, который владел счастьем и был в состоянии защитить себя.

— Звонят, Шапман, звонили в прихожей. Пойдите, посмотрите.

Но вошел Эдвард, сказав:

— Двое господ ожидают господина. Это...

— Я знаю. Они там, в прихожей?

— Да, господин.

— Заприте снова дверь в прихожую и больше не открывайте... Исключение нужно будет сделать только для господина Гуреля, инспектора Уголовной полиции. А вы, Шапман, ступайте к этим господам и скажите им, что сначала я хотел бы поговорить с полковником, с ним одним.

Эдвард и Шапман вышли, закрыв за собой дверь в гостиную. Рудольф Кессельбах направился к окну и прислонился к стеклу лбом.

Там, снаружи, экипажи и автомобили катили по двум параллельным дорожкам, которые разделяла двойная линия безопасности. В лучах весеннего солнца сверкали медь и лак. На деревьях появлялась первая зелень, и почки каштанов начинали раскрывать свои листики.

— Какого черта там делает Шапман? — прошептал Кессельбах. — Почему так долго?..

Он взял со стола сигарету и, закурив, несколько раз затянулся. Но тут вдруг у него вырвался слабый крик. Рядом с ним стоял незнакомец.

Господин Кессельбах на шаг отступил.

— Кто вы?

Мужчина — он был прилично, скорее даже элегантно одет, с черными волосами и усами, с жестким взглядом — усмехнулся:

— Кто я? Ну конечно, полковник...

— Да нет, тот, кого я так называю, тот, кто пишет мне под этим именем... по договоренности... это не вы.

— Я, я... А тот был всего лишь... Послушайте, любезный господин, все это не имеет никакого значения. Главное, чтобы я был... я. И клянусь вам, что так оно и есть.

— Но позвольте, сударь, ваше имя?

— Полковник... до нового распоряжения.

Господина Кессельбаха охватывал все возрастающий страх. Кем был этот человек? Что ему было нужно?

Он позвал:

— Шапман!

— Что за странная идея кого-то звать! Моего общества вам недостаточно?

— Шапман! — повторил Кессельбах. — Шапман! Эдвард!

— Шапман! Эдвард! — произнес в свою очередь незнакомец. — Чем вы там заняты, друзья? Вас требуют.

— Сударь, я прошу вас, я приказываю вам пропустить меня.

— Но, любезный господин, кто вам в этом мешает?

Мужчина вежливо отстранился. Господин Кессельбах подошел к двери, открыл ее и сразу отскочил назад. Там находился другой незнакомец с пистолетом в руке.

Кессельбах пробормотал:

— Эдвард... Шап...

Он замолчал, увидев в углу прихожей своего секретаря и слугу — те лежали рядом связанные, с кляпом во рту.

Несмотря на свою беспокойную, впечатлительную натуру, Кессельбах был отважен, и ощущение определенной опасности, вместо того чтобы сразить его, вернуло ему и силы, и энергию.

По-прежнему изображая ошолобление и ужас, он осторожно отступил к камину и прижался к стене. Палец его искал электрический звонок. Нашел его и с усилием нажал на кнопку.

— И что дальше? — произнес незнакомец.

Не отвечая, господин Кессельбах продолжал жать на кнопку.

— И что дальше? Вы надеетесь, что кто-то придет? Или весь отель всполошится из-за того, что вы жмете на кнопку звонка?.. Но, бедный мой господин, обернитесь, и вы увидите, что провод перерезан.

Господин Кессельбах живо обернулся, будто желая в этом удостовериться, а на самом деле молниеносным движением завладел дорожной сумкой, запустил в нее руку, выхватил револьвер, направил его на мужчину и спустил курок.

— Черт возьми, — произнес тот, — так вы заряжаете свое оружие воздухом и отсутствием звука?

Курок шелкнул второй раз, потом третий, выстрела не последовало.

— Еще три выстрела, король Мыса. Я не успокоюсь, пока не получу все шесть пуль в свою шкуру. Как! Вы отказываетесь? Жаль... мишень была завидная!

Схватив за спинку стул, незнакомец повертел его и уселся на нем верхом, указав господину Кессельбаху на кресло:

— Соболаговолите сесть, любезный господин, и чувствуйте себя как дома. Сигарету? Лично мне не надо. Я предпочитаю сигары.

На столе как раз стояла коробка с сигарами. Он выбрал Уртманн светлого табака хорошей обработки и, закурив ее, поклонился:

— Благодарю вас. Сигара восхитительная. А теперь побеседуем, вы не против?

Рудольф Кессельбах с изумлением слушал. Кто этот странный тип? Глядя на него, столь миролюбивого и разговорчивого, он понемногу успокаивался и начинал верить, что ситуация сможет разрешиться без насилия и грубости. Он достал из кармана бумажник, открыл его, вынул внушительную пачку банкнот и спросил:

— Сколько?

Гость с ошеломленным видом взглянул на него, словно с трудом понимая. Потом, через несколько мгновений позвал:

— Марко!

Вошел мужчина с пистолетом.

— Марко, господин любезно предлагает взять несколько таких бумажек для твоей подружки. Бери, Марко.

Держа нацеленный пистолет в правой руке, Марко протянул левую руку, взял банкноты и удалился.

— Уладив этот вопрос согласно вашему желанию, — продолжал незнакомец, — приступим к цели моего визита. Я буду краток и точен. Мне нужны две вещи. Прежде всего, футлярчик черного сафьяна, который вы обычно носите на себе. Затем эбеновая шкатулка, которая еще вчера находилась в дорожной сумке. Начнем по порядку. Сафьяновый футляр?

— Я его сжег.

Незнакомец нахмурился. Должно быть, ему вспомнились славные времена, когда существовали безотказные способы заставить говорить тех, кто не желал этого делать.